

«ТЫ КТО ПО ЖИЗНИ БУДЕШЬ?»: НОВОЕ В ПОДХОДАХ К ПРЕКАРИЗАЦИИ УМСТВЕННОГО ТРУДА В УСЛОВИЯХ ТОРЖЕСТВА НЕОФЕОДАЛЬНОГО СТРОЯ

DOI: 10.19181/smtp.2021.3.1.10

Корнилов Алексей Михайлович¹

¹Финансовый университет при Правительстве РФ,
Департамент экономической теории, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В настоящее время, на фоне триумфального шествия цифровой революции, всё больше высококлассных специалистов, работающих по найму в разнообразных областях экономики, начинают ощущать полную бессмысленность того, чем они занимаются. Особенно остро экспоненциальный рост явно имитационной деятельности наблюдается в научно-технологической сфере. Имеем ли мы в данном случае дело с феноменом сугубо психологическим? Или речь идёт о видимом проявлении глубинных изменений в общественном строе и его хозяйственном базисе? В настоящей статье девальвация умственного труда рассматривается сквозь призму целого ряда недавно увидевших свет специальных социально-политических и экономических исследований. Жёстко конкурируя в своих теоретических подходах, авторы этих работ тем не менее рисуют целостную и непротиворечивую картину становления нового общественного строя – «технократического», или «цифрового феодализма». Будучи основан на извлечении своеобразной квази-ренды из финансовых потоков, создающихся в процессе имитации и профанации социально-хозяйственного и в первую очередь – научно-технического развития, этот новый порядок вещей одновременно и создаёт стимулы для системной прекаризации умственного труда и девальвации человеческого капитала, и сам во многом зависит от бесперебойности этого процесса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

мартышкин труд, прекаризация, неофеодализм, зомби-капитализм, зомби-экономика, неприбыльный капитализм, дзайтек, научно-технологический сектор, цифровая революция, исследования и разработки, хайп

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Корнилов А. М. «Ты кто по жизни будешь?»: Новое в подходах к прекаризации умственного труда в условиях торжества неофеодалного строя // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3, №. 1. С. 189–202.

DOI: 10.19181/sntp.2021.3.1.10

Кто из нас, раз столкнувшись с миром научной бюрократии, в душе потом не проклинал её бесконечно? Не возмущался её вопиющей бессмысленностью? Не впадал в ступор от необходимости поддерживать утомительный документооборот, совершенно, в сущности, никак не связанный с деятельностью, которую теоретически должен отражать и регулировать? Сколько раз мы в узком кругу коллег иронизировали по поводу составления многотомных отчётов о НИР, которые никто, скорее всего, никогда не прочтёт, а если вдруг и прочтёт, то адресат всё равно поймёт их содержание в лучшем случае процентов на 10 – и уж точно не сможет проверить. Сколько раз мы внутренне негодовали, прикидывая, сколько всего полезного можно было сделать: написать, испытать, изобрести за то время, которое нам приходится тратить на исполнение разных заведомо бессмысленных управленческих новаций и прочие начальственные причуды.

Возмущение это, впрочем, редко выливается во что-то конструктивное, в какую-то системную критику. Стараясь избежать когнитивного диссонанса и тем более вызова на ковёр к начальству, мы самих себя спешим убедить в том, что выпавший на нашу долю опыт участия в управленческом маразме – это не более чем гримаса всепроникающей коррупции, или пережиток особенно неприятной нам лично версии «проклятого прошлого», или явление сугубо локального характера (то ли дело там, у них, в «цивилизованном мире»!) – но, так или иначе, составляет не более чем аберрацию (пусть и весьма преваляющую), ни в коем случае не отражая состояние научно-технологического комплекса в целом. Ведь не может же, в самом деле, быть так, чтобы кто-то сознательно заставлял сотни тысяч хорошо образованных людей заниматься заведомой ерундой – да ещё и платил им за это?!

В конце концов, однако, нашёлся человек, который не просто решился подвергнуть подобное предположение проверке опытом, но, дав ему теоретическое обоснование, по существу, доказал его верность. Этим человеком стал американский исследователь Дэвид Гребер, профессор Лондонской школы экономики, «антрополог» (этнограф в более привычной для российского читателя номенклатуре) по основной академической специальности и мыслитель предельно левых убеждений по своей роли в классовой борьбе.

В 2013 г. Дэвид Гребер буквально на ресторанной салфетке начал писать эссе, где задался вопросом: почему автоматизация и порождённый ею рост производительности труда, вместо того чтобы привести к сокращению рабочей недели до 15 часов – как это ещё в 1930 г. авторитетно предсказывал сам сэр Джон Мейнард Кейнс [1] – только увеличили загруженность лиц наёмного труда? И случайно ли, что постиндустриальная занятость, хотя вроде бы и неплохо оплачиваемая, на деле слишком часто принимает какие-то уродливые формы: «... деятельности настолько бессмысленной, ненужной или просто вредной, что работник, ею занятый, хотя и считает своим долгом об этом помалкивать, но всё равно не может смириться с тем, что тратит на

неё свою жизнь»? [2] К 2018 г. идеи, изложенные в эссе, сложились в книгу, получившую эффектное название «Теория мартышкина труда»¹ [3].

Исследовав релевантные первичные источники по социологии труда, Гребер пришёл к выводу, что на рубеже 2000-х и 2010-х гг. в Великобритании около 40% занятых считали свою работу совершенно бесполезной, а в материковых странах Старой Европы, в Канаде и Австралии этот показатель колебался в районе отметки в 50%. И динамика при этом во всех случаях была устойчиво восходящей.

В поисках истоков описываемого явления Гребер подробнейшим образом исследует эволюцию трудовой этики со времён господства традиционного общества с преобладанием чисто природных циклов кратковременной концентрации усилий и компенсаторной релаксации – через эпоху первоначального накопления – к индустриальной революции с её потогонной системой и низведением человека до роли второстепенного элемента машинного производства. Аксиология господствующего класса «золотого века капитализма» принимается при этом за данность, принципиально неизменную и господствующую до настоящего времени.

В самых общих чертах Гребер видит источник современной убиквитности «мартышкина труда» в целенаправленном смещении норм трудового права и религиозных догм – процессе, восходящем ко временам жертвенного служения пуритан Мамоне, но не утратившем актуальности и в XXI в. И если для лиц наёмного труда его сакрализация – придание труду сверхценностного значения – было в конечном итоге одной из частных форм Стокгольмского синдрома, то капиталист таким образом вполне осознанно вытачивал для себя инструмент психологической манипуляции, облегчавший, с одной стороны, извлечение прибавочной стоимости, а с другой – затруднявший самоорганизацию рабочего класса. Получилось нечто вроде наведённой психической патологии: мазохической потребности изнурять себя трудом, одновременно садистически наказывая (себя же) за малейший простой и «халяву». И ровно в этом-то качестве – квазигегельянской комбинации в одном лице раба и надсмотрщика – современный, постиндустриальный капитализм использует «мартышкин труд» в отношении растущего, как снежный ком, сословия прекариата. Так или иначе, речь идёт о «глубоком, системном психологическом насилии», оставляющем «шрам на нашей коллективной душе».

Отдавая дань своей базовой этнографической подготовке, Гребер подробнейшим образом описывает различные формы «мартышкиной» занятости, специфику их взаимодействия и вообще поведения – как по месту «работы», так и в более широком социальном контексте. Он выделяет пять основных типов совершенно бессмысленных работ:

- «шестёрки» – те, благодаря кому начальство тешит чувство собственной важности: различные консьержи, девочки на «ресепшен», длин-

¹ Оригинальное её английское название: "Bullshit Jobs: A Theory" – едва ли может быть адекватно переведено без привлечения обценной лексики, тогда как его русский перевод, предложенный издательством «Ad Marginem» в 2020 г.: «Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда» – представляется недостаточно точным, не отвечая авторской дефиниции «мартышкина труда».

ноногие личные помощницы, не способные самостоятельно поменять индивидуальные настройки у компьютера, и т. д.; в былые времена похожую роль при вельможах играли ливрейные лакеи;

- «решальщики вопросов» – занимающие штатные единицы, так или иначе навязанные извне и занятые исключительно взаимодействием с коллегами из смежных организаций или профильных контролирующих органов; сюда входят пиарщики, юрисконсульты, «секретчики» и т. д.;
- «те ещё умельцы» – кому поручено сглаживать остроту проблем, которые в принципе можно было бы решить раз и навсегда: например, обеспечивать работу некондиционного оборудования или пиратского программного обеспечения, принимать претензии клиентов и т. д.;
- «мартышки чистопородные» – развивают бурную деятельность, не имеющую, однако, в конечном итоге никакого практического выхода, тем более – с точки зрения профильных задач организации; речь идёт о различных штатных психологах, социологах и консультантах, организаторах различных опросов, журналистах корпоративных изданий, сотрудниках корпоративного контроля;
- «смотрящие» – те, кто управляет первыми четырьмя категориями или придумывает дополнительную работу тем, кому не хватает жизненного опыта всегда казаться занятыми до предела: различные менеджеры среднего звена и прочий административный персонал, в своё время собирательно именовавшийся надсмотрщиками.

Уделяет Гребер внимание и различным переходным формам между главными типами занятых «мартышкиным трудом», а также и присутствию последнего как элемента – в том или ином долевым выражении – в функционале должностей, общественного значения совершенно не лишённых.

Отмечает он и явный параллелизм экспоненциального роста бессмысленной занятости среди «белых воротничков» и почти столь же стремительного распространения «трудовой бедности» среди остатков традиционного рабочего класса. Пытаясь свести оба эти феномена к единой причине, Гребер, в частности, указывает на тот парадоксальный факт, что основная масса «мартышкина труда» концентрируется отнюдь не в государственном секторе, но в частном. То есть именно там, где подобному явлению, казалось бы, и вовсе не может быть места, учитывая фактор перманентной рыночной конкуренции. Гребер, однако, никакого особенного противоречия здесь не видит. Современный («постиндустриальный») капитализм, по его мнению, уже совершенно трансформировался в некое новое издание феодального строя («технократический (нео)феодализм»): экспансия финансового сектора вообще и акционерных форм организации бизнеса в частности лишили собственников капитала управленческих функций, породив своеобразную квазирыночную бюрократию; эта последняя, в свою очередь, под влиянием глобализации и размывания границ между традиционными властными институтами и руководством транснациональных корпораций, совершенно слилась с управленцами публичного сектора в единую суперэлитарную ка-

сту, для которой контроль за движением глобальных финансовых потоков служит таким же источником ренты, как ракет производителей материальных благ – для феодалов Высокого Средневековья. Как следствие, руководство всех сколько-нибудь значительных акторов современного рынка более не связано императивом извлечения коммерческой выгоды: платят за их ошибки всё равно номинальные владельцы бизнеса, в крайнем случае, если задействовать схемы различных bail-in и bail-out, – широкие массы налогоплательщиков; вознаграждение же они назначают себе сами – если надо, привлекая для этого даже заимствованные средства; а «зона безразличия» у современных корпораций, благодаря тотальной олигополизации рынка, настолько велика, что позволяет совершенно безнаказанно раздувать штаты в масштабах, которые средневековым баронам даже не снились. В результате в кадровой политике начинают доминировать чисто паркинсоновские принципы: чем больше у тебя сотрудников, тем большую долю в корпоративном бюджете ты можешь потребовать на следующем заседании совета директоров. А чем эту ораву занять? – ну пусть сами что-нибудь придумают ...

Насколько все эти рассуждения Гребера верны, можно, конечно, спорить, но, по крайней мере, им нельзя отказать во внутренней логичности. Есть, однако, в его книге один существенный момент, который так до конца и остаётся непрояснённым. Речь идёт – или точнее должна бы идти – о том, почему большинство примеров «мартышкина труда», которыми оперирует автор, заимствованы из научно-технологического сектора: из деятельности университетов, исследовательских или – на худой конец – высокотехнологичных венчурных структур? Каким образом и за счёт каких ресурсов бессмысленная занятость может поддерживаться в сфере, предельно некоммерческой по самой своей природе? Ведь именно в сфере исследований и разработок конечная продукция тем более ценна, чем меньше поддаются прогнозу её свойства, так что рыночную стоимость она приобретает не сразу и лишь по мере утраты специфических конкурентных преимуществ (новизны), а издержки на её создание можно в сколько-нибудь разумные сроки «отбить» только при очень большом везении.

Это тем более странно, что в другой своей книге: «Утопия правил. О технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии» (2015) [4], содержательно во многом перекликающейся с «Мартышкиным трудом», Гребер подробно исследует влияние неофеодальной технократии на видимое замедление технического прогресса в последней четверти XX – нач. XXI вв. и смещение его фокуса в сферу цифровых технологий. Для нового правящего класса ценность этих последних состоит в первую очередь в качественно новых возможностях, которые они открывают в сфере социального контроля: «Информационные технологии облегчили переток капитала в финансовый сектор, тем самым ещё больше загнав рабочих в долги и одновременно позволив работодателям создавать новые «гибкие» режимы работы, разрушавшие традиционные гарантии занятости и приведшие к значительному удлинению рабочего дня практически для всех слоёв населения. Наряду с трансграничным экспортом традиционных фабричных рабочих мест (аутсорсингом) это привело к

разгрому профсоюзного движения, чем в свою очередь была уничтожена всякая возможность эффективной самозащиты интересов рабочего класса» [4, с. 75]. Однако важнейшее достижение цифровой революции – её подлинное, если хотите, экзистенциальное значение – лежит в совершенно иной плоскости: в создании инфраструктурных основ окончательного торжества постмодерна. Иначе говоря, правящая олигархия получила в своё распоряжение технические средства, позволяющие придавать любым симулякрам степень наглядности, сравнимую и даже большую, чем у непосредственно наблюдаемой реальности. В полном объёме, однако, роль, которую «цифра» сыграла в победном шествии технократического неофеодализма и особенно обусловленной им тривиализации задач научного поиска, Гребер, кажется, до конца даже сам не понял. Поэтому и счёл непропорциональную концентрацию «мартышкина труда» в наукоёмких секторах обстоятельством случайным или малозначительным.

Так или иначе, но идеи Гребера для мейнстрима мировой общественной мысли оказались слишком радикальными. Поэтому их предпочли просто не заметить: сколько-нибудь развёрнутые рецензии на обе книги Гребера позволили себе дать только откровенные «ноунеймы» и авторы, успевшие смириться с репутацией маргиналов и популистов. Гораздо сложнее, однако, оказалось закрывать глаза на проблематику, поднятую в этих работах.

Ещё в 2001 г. в свет вышла монография американского инженера-программиста и специалиста по управлению IT-отраслью Тома Демарко «На расслабоне: как преодолеть эмоциональное выгорание, имитацию бурной деятельности и миф о 100%-й эффективности» [5, pp. 12–13], где речь, в сущности, идёт всё о том же «мартышкином труде», только в ином терминологическом оформлении и с точки зрения интересов работодателя. Демарко в целом согласен с Гребером относительно причин институализации того, что он называет «имитацией бурной деятельности» (busywork), видя их в стремлении работодателей индуцировать персоналу своего рода трудовоголическую версию Стокгольмского синдрома. Аргументация его, однако, строится преимущественно на хозяйственной целесообразности: вот вы, мол, стремитесь нарастить эффективность своей компании, и для этого оптимизируете штатное расписание и с помощью разных технических новинок до предела ужесточаете трудовую дисциплину. Но что если ваши сотрудники из-за постоянной двойной и тройной переработки эмоционально выгорают и работу свою выполняют уже чисто «на автомате» – без всякого плана, «руля и ветрила»? Что если из-за этого вы теряете сотрудников быстрее, чем можете найти им адекватную замену? И в итоге рост эффективности оборачивается для вас финансовыми потерями? И хорошо, если только ими, ведь от клинического переутомления до психоза – один шаг. А психопат – он и коллег по работе перестрелять может, и активы фирмы за копейки спустить... При этом Демарко, само собой, отдаёт себе отчёт, что основная масса избыточного труда, создаваемого в новой, беловоротничковой версии потогонной системы, носит совершенно бессмысленный характер и зачастую оборачивается раздуванием штатов вместо их оптимизации: но, щадя самолюбие предпринимателей, Демарко перекладывает ответственность за это на некие общие,

безличные закономерности – мол, управление отупелой массой людей неизбежно распадается на отдельные тактические решения, быстро теряющие связь со стратегическими целями фирмы.

В качестве альтернативы *busywork* Демарко предлагает позволить сотрудникам поработать «на расслабоне» – т. е. с такой степенью свободы, которая позволила бы их фирме-работодателю быстро адаптироваться к самым радикальным изменениям рыночной конъюнктуры. Речь, по его словам, может идти о чём-то очень простом: добавлении нового сотрудника в отдел, благодаря чему дорогостоящие специалисты будут меньше времени тратить на работу с копировальным аппаратом и экономить силы и время на принятие действительно важных решений. «Расслабон» может проявляться и в том, как компания обращается со своими сотрудниками: вместо того чтобы загружать их чрезмерной работой, она даёт им пространство для креатива и самосовершенствования, тем самым, в конечном итоге, работая на собственную эффективность. Или, иначе говоря, понапридумывать массу новых штатных единиц, как нельзя лучше вписывающихся в греберовскую типологию «мартышкина труда». Неудивительно, что первое издание книги Демарко фурора, мягко говоря, не вызвало. А вот с выходом «Мартышкина труда», наоборот, стала бестселлером, с 2018 г. выйдя чуть не десятком тиражей в самых престижных издательствах.

Аналогичная судьба – довольно холодная реакция на первую публикацию и подлинный ренессанс после 2018 г. – постигла и целую плеяду сходных по содержанию (и уровню политкорректности) работ: *Do More Great Work: Stop the Busywork. Start the Work That Matters* Майкла Бангея Стэннера (с коллегами) [6], *The Workfare State: Public Assistance Politics from the New Deal to the New Democrats* Ивы Бертрам [7], *From Welfare to Workfare: The Unintended Consequences of Liberal Reform, 1945–1965* Дженнифер Мидлстэд [8] и т. д. Всех их объединяет довольно однообразный анализ конкретно-исторических предпосылок институализации «мартышкина труда», изобилие релевантного фактического материала, дежурные проклятия в адрес явления в целом и удивительная невразумительность того, что должно служить ему альтернативой. По сути, речь, как и в случае с Демарко, идёт о точно такой же бессмысленной занятости, только несколько замаскированной демагогией про креативность и чуткое отношение к персоналу. Само собой, о глубинных, экономических предпосылках профанации прекарного труда и обстоятельствах, делающих её коммерчески целесообразной, ни в одной из указанных книг не говорится ни слова.

И это тем более любопытно, что понятие «венчурного капитализма» давно уже на слуху и даже вроде как стало неотъемлемой частью лексикона образованной публики – особенно той её части, которая любит козырнуть своими передовыми взглядами и близким знакомством с наиболее знаковыми достижениями технического прогресса. Соответственно, на сегодняшний день нет недостатка в публикациях, не только рекламирующих подобные бизнес-стратегии, но и вскрывающих связанные с ними риски и aberrации хозяйственного развития – такие как «зомби-капитализм» и капитализм «бесприбыльный».

Первое понятие означает искусственное поддержание на плаву не способных самостоятельно отвечать по своим обязательствам коммерческих предприятий – «зомби-фирм» и «зомби-банков» – под предлогом недопущения полного обвала экономической конъюнктуры. Впервые оно было описано в 1989 г. Эдвардом Кейном, в монографии *The S&L Insurance Mess: How Did it Happen?* («Коллапс в сфере страхования ссудно-сберегательной деятельности: как такое могло случиться?») [9]. Исследование было посвящено событиям, потрясшим в конце 1980-х гг. экономику США до такой степени, что в них какое-то время видели ни много ни мало повторение Великой Депрессии. Вскоре, однако, их затмил ещё более масштабный кризис – в Японии, т. н. «Схлопывание дзайтек-пузыря». Начавшись с обрушения Токийской биржи в августе 1990 г., цепная реакция обесценения японских корпоративных активов парадоксальным образом способствовала известному оздоровлению американских финансов, тогда как экономика самой Страны восходящего солнца во многих отношениях не оправилась от неё до сих пор. В результате феномен «зомби-капитализма» надолго приобрёл устойчивые японские коннотации, а наиболее авторитетной работой, вскрывающей его механику, вместо монографии Кейна, стала книга Кристофера Вуда: *The Bubble Economy: Japan's Extraordinary Speculative Boom of the 80s and the Dramatic Bust of the 90s* («Экономика пузыря: необычайный спекулятивный бум в Японии 80-х и его драматический крах 90-х», 2005) [10].

Суть произошедшего в ней описывается следующим образом: после почти двукратной ревальвации иены относительно доллара США, обусловленной соглашением в отеле «Плаза» в сентябре 1985 г., реальный сектор японской экономики в один момент потерял конкурентоспособность: более высокое качество японских товаров более не покрывало взрывообразно возросшую их себестоимость. Соответственно, чтобы избежать скатывания страны в рецессию без малейшей перспективы выхода из неё, японцам не оставалось ничего другого, кроме как начать через биржу систематически нагнетать цены на национальном фондовом рынке и рынке недвижимости. Делалось это с помощью довольно нехитрой, сильно отдававшей банальным жульничеством практики, одно время, тем не менее, считавшейся шедевром финансовой мысли, – того самого «дзайтека». Суть её состояла в том, что рост биржевой стоимости активов в отчётной документации показывался как прибыль, и её астрономический рост – ведь одна только ревальвация иены увеличила долларовую стоимость каждой пяди земли в Японии вдвое – привлекал всё больше и больше денег на фондовую биржу, придавая тем самым происходящему характер цепной реакции. Само собой, тем, кто инвестировал в японскую экономику, спекулятивный характер творившегося в ней бума никто разъяснять не спешил. Рост – или, точнее, его видимость – объясняли техническим превосходством Японии, усомниться в котором в конце 1980-х мог только ненормальный. Дескать, экономика Страны восходящего солнца вышла на качественно новый уровень развития и теперь будет расти неограниченно – вопреки любой внешней конъюнктуре и благодаря исключительно кумулятивному эффекту успехов в науке и технике. В какой-то момент, однако, главный элемент финансового пузыря – рынок недвижи-

мости – лопнул и, следуя логике всё того же «дзайтека», утянул за собой в рецессию всю остальную экономику. И чтобы не дать рецессии перерасти в депрессию, японские власти были вынуждены искусственно финансировать обязательства подошедших к грани банкротства крупнейших акторов национальной экономики. Тем самым создалась целая система «зомби-фирм», «зомби-банков» и «зомби-корпораций», в которых, чтобы не ухудшить их рыночную капитализацию, искусственно поддерживалась занятость (!), а их руководство получало зарплаты и корпоративные привилегии, как будто никакого кризиса в стране не было вообще. И так продолжалось все 90-е годы, пока Япония выходила из зоны «отрицательного роста», все нулевые, чтобы не дай бог не повредить наметившейся позитивной макроэкономической динамике, а в 2010-х циркуляция средств между «зомби» и «незомби»-секторами экономики запуталась настолько, что стало совершенно невозможно определить, какие структуры выживают на рынке сами, а какие – лишь перманентно гальванизируются за счёт получения хитро замаскированных правительственных субсидий. И хотя в результате госдолг Японии в 4 раза (!) превысил национальный ВВП, в целом оказалось, что быть «зомби-структурой» в современной рыночной экономике не просто не страшно, а даже довольно выгодно, особенно – для высшего управленческого звена.

Ещё больше любопытнейшей фактографии относительно функционирования «зомби-экономики» содержится в работе 2012 г. турецко-американского исследователя Ялмана Онорана: *Zombie Banks: How Broken Banks and Debtor Nations are Crippling the Global Economy* («Зомби-банки: как разорившиеся банки и государства-должники наносят ущерб мировой экономике») [11]. Спектр примеров, которыми оперирует автор, пугающе широк: от ставших притчей во языцех, но так и не состоявшихся дефолтов Греции и Исландии до маловразумительных для неспециалиста мер финансовой поддержки, к которым в ходе глобального кризиса 2008–2009 гг. прибегали администрации Джорджа Буша-младшего и Барака Хуссейна Обамы, а также оставшихся совсем не известными для широкой публики историй с многолетним загробным существованием немецких ландесбанков и едва не наступившей в 2011 г. клинической смертью ирландской экономики. И в каждом случае, на каждом примере Онанан буквально в щепки разносит аргументы в пользу государственной поддержки обанкротившихся «системообразующих» бизнес-структур, демонстрируя, что ни разу подобные меры не смягчали проявлений кризиса, но лишь пролонгировали его и проецировали в сектора экономики, изначально депрессией не затронутые. При этом он не перестаёт удивляться, почему к столь очевидно дискредитировавшим себя практикам продолжают прибегать снова и снова?

Ответ на его недоумение отчасти даёт несколько более ранняя – 2010 г. – публикация американского биржевого журналиста Майкла Льюиса «Большая игра на понижение. Тайные пружины финансовой катастрофы» (*The Big Short: Inside the Doomsday Machine*) [12], в этом году в третий раз переизданная на русском языке издательской группой «Альпина Паблишер». Вошедшие в книгу отдельные новеллы, действие которых разворачивается

вокруг событий финансового кризиса 2008–2009 гг., объединяет одна общая тема: в современной экономике высший менеджмент зарабатывает на спекуляции деривативами (производными финансовыми инструментами) принципиально больше, чем на профильной деятельности компаний, которыми руководит, и зачастую в их коллапсе бывает заинтересован намного сильнее, чем в выживании.

Здесь, впрочем, тема «зомби-капитализма» плавно перетекает в исследование содержательно подобного, но значительно более широкого явления – т. н. «бесприбыльного капитализма». Максимально подробно суть этого явления на сегодняшний день раскрывается в совместной монографии американского экономиста – специалиста по инновационному развитию Вильяма Лазоника и его корейского коллеги Сина Янг-Сопа: *Predatory Value Extraction: How the Looting of the Business Corporation Became the US Norm and How Sustainable Prosperity Can Be Restored* (« Хищническое извлечение стоимости: как разграбление бизнес-корпорации стало нормой в США, и как можно восстановить устойчивое процветание », 2019) [13]. В самых общих чертах проблема хищнического извлечения стоимости – вместо её созидания и преумножения – заключается, по их словам, в следующем.

Руководителям современных фирм не просто выгодно, но жизненно необходимо, чтобы вверенный им капитал работал «в минус». Этим они, с одной стороны, оптимизируют налоговые выплаты (поскольку много ли можно требовать с одних убытков?), а с другой – исчезает необходимость выплачивать дивиденды акционерам (ибо опять-таки – не с чего) [13]. Но в чём тогда выгода? Ради чего люди рвутся в советы директоров мегакорпораций? Откуда берутся сумасшедшие зарплаты и вовсе неприличные ежегодные бонусы корпоративной бюрократии? Тут, само собой, не обходится ни без старой доброй, чуть туповатой спекуляции активами фирм, ни без более изощрённых приёмов пролиферации стоимостной массы с помощью деривативов. Но главный источник прибыли теперь другой... Хотя при ближайшем рассмотрении очень даже знакомый. По сути, речь идёт о некотором ребрендинге финансовой пирамиды: вся разница с недоброй памяти «МММ» или иной вариацией на тему схемы Понци состоит лишь в том, что деньги новых инвесторов на выплату дивидендов акционерам, более ранним, поступают не непосредственно, а предварительно «отмываясь» через некоторый венчурный проект. Который также прибыль приносит не сам, но при посредстве фирм-субподрядчиков, поставляющих товары и услуги, необходимые для его реализации. Источником прибыли, таким образом, служит не условный вечный двигатель, а поставки комплектующих к нему, ремонт помещения, где его собирают, завтраки с обедами, которыми централизованно обеспечиваются сотрудники проекта и т. д. А раз так, то перед нами вовсе не финансовая пирамида, а самый законный бизнес. И неважно, что вечный двигатель всерьёз никто изобретать даже не собирался, работы над ним, во избежание лишних издержек, ведутся преимущественно на бумаге, при этом фигурируя одновременно в десятке-другом подобных проектов, только под разными именами. И поскольку вся эта игра в конечном итоге ведётся на бирже, то современная корпорация прямо заинтересована всячески завышать собственную

капитализацию, в том числе и набирая персонал, который ей по-настоящему и занять-то особенно нечем...

Стоп! Мы, кажется, сами того не заметив, вплотную подошли к ответу на свой исходный вопрос: какой интерес неофеодальному строю подминать под себя научно-технологический сектор? ...А кто же лучше сочинит контент для очередного «прорывного» венчурного проекта – столь головокружительный и в то же время наукообразный, чтобы обыватель, не задумываясь, побежал вкладывать последние деньги в очередной фантастический гиперлуп или обитаемую колонию на Марсе? Кто сможет убедительно объяснить не менее фантастические сметы на подобные начинания? Поддержать вокруг них хайп – да так тонко, чтобы хайпом он вовсе даже не казался, но по всем признакам не выходил за рамки легитимного научного дискурса? Кто объяснит айтишникам, как правильно должен выглядеть симулякр, иллюстрирующий практическую реализуемость очередной венчурной аферы?

И, если подводить итог всему вышесказанному, вас сейчас едва ли удивит тот факт, что характерные признаки «бесприбыльного капитализма» наблюдаются практически у всех знаковых корпораций – флагманов цифрового / венчурного хайпа: при фантастической, галопирующей рыночной капитализации они, как правило, номинальную свою деятельность ведут «в ноль», а то и в убыток, при этом не скупясь на рекламу своих достижений в наиболее передовых (с точки зрения обывателя) областях науки и техники.

Глобальный научно-технологический комплекс таким образом оказывается не просто ключевым – в самом прямом смысле – наиважнейшим инструментом трансформации остатков рыночной экономики в постмодернистскую дистопию капитализации фантазмов и рекурсивного умножения финансовых пузырей. Он же одновременно становится и первой жертвой этого процесса, поскольку сам же служит опытным полигоном для квазикommerческих схем, лежащих в основе наступающего технофеодализма. В результате социальные деформации вроде «мартышкина труда» в научной сфере и корни пускают легче, и разрастаются особенно пышным цветом, и плоды приносят особенно уродливые.

Мы, к сожалению, никогда не узнаем, как оценил бы наши попытки развить и дополнить концепцию «технократического неофеодализма» и «мартышкина труда» сам Дэвид Гребер. В сентябре 2020 года он покинул нас навсегда, оставив после себя целые россыпи бесконечно смелых идей, отчасти так и не успевших отлиться в форму законченных научных трудов.

REFERENCES (ЛИТЕРАТУРА)

1. Keynes, J. M. (1932). Economic Possibilities for our Grandchildren. In: *Essays in Persuasion*. New York: Harcourt Brace. Pp. 358–373.
2. Graeber, D. (2013). On the Phenomenon of Bullshit Jobs: A Work Rant. *Strike!* 2013. August. URL: <https://www.strike.coop/bullshit-jobs/> (accessed 08.12.2020).
3. Graeber, D. (2018). *Bullshit Jobs: A Theory*. New York: Simon & Schuster. 368 p.
4. Graeber, D. (2015). *The Utopia of Rules: On Technology, Stupidity, and the Secret Joys of Bureaucracy*. New York: Melville House. 272 p.

5. DeMarco, T. (2001). *Slack, Getting Past Burnout, Busywork, and the Myth of Total Efficiency*. New York: Broadway Books. 248 p.
6. Stanier M. B., Godin S., Port M., Ulrich D., Guillebeau C. and Baubanta L. (2010). *Do More Great Work: Stop the Busywork. Start the Work That Matters*. New York: Workman Publishing Company. 200 p.
7. Bertram, E. (2015). *The Workfare State: Public Assistance Politics from the New Deal to the New Democrats*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 336 p.
8. Mittelstadt, J. (2005). *From Welfare to Workforce: The Unintended Consequences of Liberal Reform, 1945–1965. (Gender and American Culture)*. Chapel Hill: University of North Carolina Press. 288 p.
9. Cane, E. J. (1989). *The S&L Insurance Mess: How Did It Happen?* Washington, D.C.: Urban Institute Press.
10. Wood, C. (2005). *The Bubble Economy: Japan's Extraordinary Speculative Boom of the 80s and the Dramatic Bust of the 90s*. Equinox Publishing. 224 p.
11. Onaran, Y. (2012). *Zombie Banks: How Broken Banks and Debtor Nations are Crippling the Global Economy*. Bloomberg Press. 208 p.
12. Lewis, M. M. (2010). *The Big Short: Inside the Doomsday Machine*. New York, London: W.W. Norton & Company.
13. Lazonick, W. and Shin, J.-S. (2019). *Predatory Value Extraction: How the Looting of the Business Corporation Became the US Norm and How Sustainable Prosperity Can Be Restored*. Oxford University Press.

Статья поступила в редакцию 06.11.2020. Принята к публикации 08.12.2021.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Корнилов Алексей Михайлович lyokha74@mail.ru

Соискатель, Финансовый университет при Правительстве РФ, Департамент экономической теории, Москва, Россия

“WHAT’S YOUR BUSINESS?”: THE NEW APPROACHES TO THE PRECARIZATION OF MENTAL LABOR AGAINST THE BACKDROP OF THE NEOFEUDAL SOCIAL ORDER TRIUMPHANT

DOI: 10.19181/sntp.2021.3.1.10

Aleksei M. Kornilov¹

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, Department of Economic Theory, Moscow, Russian Federation

Abstract. In the modern world complacent against the backdrop of the triumphant progress made by digital revolution, more and more highly qualified specialists employed in a wide variety of sectors of the economy are beginning to feel the complete meaninglessness of what they are doing. The exponential growth of clearly imitative activity is especially acute in the scientific and technological sphere. Are we in this case dealing with a purely psychological phenomenon? Or are we talking about a visible manifestation of profound changes in the social order and its economic basis? In this article the devaluation of knowledge work is viewed through the prism of a number of relatively recent special socio-political and economic studies. Fiercely competing in their theoretical approaches all of them together provide nevertheless a holistic and consistent picture of the formation of a new social order – “technocratic” or “digital feudalism”. Being based on the extraction of a kind of “quasi-rent” from financial flows created by the process of imitation and profanation of socio-economic and primary S&T development this new order of things creates incentives for the systemic precarization of mental labor and the devaluation of “human capital” while in itself being largely dependent on the continuity of this deplorable process.

Keywords: bullshit jobs, precarization, neo-feudalism, zombie capitalism, zombie economy, non-profit capitalism, zytech, science and technology sector, digital revolution, research and development, hype

For citation: Kornilov, A. M. (2021). “What’s your business?”: the new approaches to the precarization of mental labor against the backdrop of the neofeudal social order triumphant. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 3, no. 1. Pp. 189–202.

DOI: 10.19181/smtp.2021.3.1.10

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Kornilov Aleksei lyokha74@mail.ru

PhD candidate, Financial University under the Government of the Russian Federation, Department of Economic Theory, Moscow, Russian Federation

The article was submitted on 06.11.2020. Accepted on 08.12.2021.